

Номинация: Интервью года

Название СМИ: РБК-Недвижимость

Автор: Ольга Мамаева, редактор

Название статьи: Архитектор Алексей Гинзбург - о будущем Дома Наркомфина

Ссылка на материал: <https://realty.rbc.ru/news/59c37f199a7947477f3fd904>

Автор проекта реставрации Дома Наркомфина Алексей Гинзбург рассказал о реставрации памятника советского конструктивизма

Этим летом в Москве начались работы по реставрации Дома Наркомфина — одного из главных памятников конструктивизма и самой знаменитой постройки архитектора Моисея Гинзбурга. Руководит проектом реставрации его внук Алексей Гинзбург, который рассказал о мифах вокруг дома, трудностях работы с архитектурой авангарда и о долге перед великим дедом и отцом.

— В прошлом году основная доля в Доме Наркомфина была продана компании «Лига прав», а нынешним летом началась реставрация памятника. Как долго она продлится и что там происходит сейчас?

— Реставрация рассчитана на два года, но сегодня сказать с уверенностью, сколько точно продлятся работы, нельзя. Это слишком сложный объект, который требует очень кропотливой и долгой работы. Я начал заниматься им

в 1986 году, желая помочь отцу в его попытках вернуть дому оригинальный облик. Тогда из этого ничего не вышло. После было еще много попыток отреставрировать дом, но все они оказались неудачными из-за технических, юридических, инженерных сложностей. Наконец, отношение тогдашних городских властей к конструктивистской архитектуре было резко негативным. Два года назад звезды сошлись, и появились люди, которые, с одной стороны, понимают истинную ценность Дома Наркомфина, а с другой — обладают достаточными ресурсами, чтобы заниматься его реставрацией. После того как появился инвестор, был выпущен проект реставрации и приспособления, рабочая документация. Сейчас работы находятся на начальном этапе: мы демонтируем все поздние постройки, исследуем инженерные системы, основные конструкции дома.

— Работать над проектом реставрации вы начали в 1995 году. За это время концепция как-то изменилась?

— Действительно, в 1995 году мы начали плотно работать над проектом, потому что тогда появился инвестор, готовый реализовать наш проект. Но поскольку получить в собственность землю ему не удалось, проект был заморожен. С тех пор мы дорабатывали нашу концепцию, но принципиально она не изменилась: и тогда, и сейчас мы настаивали на том, что Дом Наркомфина должен быть жилым и его для этого вообще не нужно менять.

— В том смысле, что физически он устарел, а морально нет?

— Именно. Дом Наркомфина — символ жилья современного человека. Не социалистического или коммунистического, а просто современного. Именно поэтому нам было принципиально важно сохранить его изначальную функцию и показать, что это актуальное здание, в котором можно с комфортом жить и сегодня. С Домом Наркомфина связано несколько мифов, главный из которых заключается в том, что это дом-коммуна, воплощающий переход от буржуазного уклада к коммунистическому.

— Почему миф? Об этом же писал сам Гинзбург в своей книге «Жилище».

— Да, но в действительности это не так. Когда Дом Наркомфина был построен, Гинзбург почти сразу же спроектировал второй дом СНК, который планировалось построить рядом. Из-за того что в 1934 году конструктивизм был объявлен вредным буржуазным явлением, воплотить идею не удалось. Но этот проект чрезвычайно интересен. Там были предусмотрены ячейки 2К, аналогичные ячейкам К (78 кв. м), только еще больше — 120 кв. м. Так где же это коммунистическое расселение? Почему же дом не состоял из ячеек типа F? Уже тогда было понятно, что дома-коммуны — это утопия, а будущее — за новым типом жилья, предпосылки для которого появились

еще до Первой мировой войны. Уже тогда в России стали строить дома гостиничного типа, Нирнзее делал свой дом в Гнездниковском переулке, который очень напоминает современное жилье без кухонь, с кинотеатром на верхнем этаже и театром-кабаре внизу, с кучей общественных функций.

— Так или иначе это был внятный социальный проект.

— Это был дом, который создавал новую среду обитания с очень сильным социальным уклоном, именно поэтому идеи конструктивистов получили такую популярность в послевоенной Европе, где к власти всюду пришли социалистические правительства. Ле Корбюзье переформатировал в своих хабитатах идеи, заложенные Гинзбургом в Доме Наркомфина. Дома-коммуны были утопической идеей, которая выросла не из домов гостиничного типа, а, скорее, из рабочих общежитий, где социализация была доведена до гротеска. Но в 1920-е годы она потеряла свою актуальность.

— Летом власти Москвы объявили, что создадут рабочую группу, которая будет контролировать все этапы реконструкции памятника. Кто в нее входит и какие именно механизмы контроля здесь предусмотрены?

— Честно говоря, подробностей не знаю. Точно могу сказать, что с самого начала была создана рабочая группа, ведущая авторский надзор и научное руководство проектом. В нее входят сотрудники департамента культурного

наследия, авторы проекта, в том числе я, и заказчики, которые еженедельно отслеживают все текущие работы.

— На протяжении многих лет всякий раз, когда речь заходила о реставрации Дома Наркомфина, архитекторы, градозащитники и активисты настаивали на необходимости экспертного контроля за ходом реставрации памятника. Эта идея кажется справедливой.

— Я готов к любому общественному и экспертному контролю. Наша работа прозрачна: проект реставрации вывешен на сайте департамента культурного наследия, с ним могут познакомиться все желающие. Кроме того, мы сами обеспечили общественный контроль путем привлечения международных волонтеров. Например, американский фотограф Наталья Меликова ведет летопись реставрации, постоянно снимая все происходящие изменения. Совсем скоро заработает сайт, там эти фотографии будут выложены в открытом доступе. Все заинтересованные стороны смогут следить за ходом реставрации в режиме реального времени.

— Международные организации по защите культурного наследия как-то участвуют в этом процессе?

— У них нет никаких механизмов для этого. Мы сами стараемся подтянуть их, чтобы они имели представление о том, что происходит с домом. Единственный вопрос, который я хотел бы задать сейчас, — где эти любители общественного контроля были последние пять-шесть лет? Мы пришли в дом с варварскими ремонтами, сделанными в обход предписания департамента культурного наследия. Жители выбрасывали оригинальные деревянные окна и заменяли их пластиковыми, заливали стяжки и клали керамический гранит, закрашивали и завешивали панелями стены. В большинстве квартир были проведены евроремонты, которые полностью убили оригинальные материалы. Попав в дом после четырехлетнего перерыва, я не мог его узнать — так исказились первоначальные интерьеры. Мы сейчас разрабатываем проект научной реставрации, основываясь на принципах Венецианской хартии, и хотим, чтобы Дом Наркомфина оказался в списке мирового наследия ЮНЕСКО. Вот наша главная задача.

— Но Венецианская хартия подразумевает сохранение всех исторических пластов, а дом на протяжении своей истории не раз менялся.

— Но это не исторические слои, и сохранять их не нужно. Все перепланировки делали сами жители, и признать их ценными нельзя.

— Камышит вы раскроете?

— Да, это инновационный материал, который является предтечей сегодняшних минераловатных утеплителей и каменной ваты, и его нужно открыть — это история. Но камышита в этом здании применено совсем немного. Он утепляет торцы балок, которые выходят на фасад, и часть стен перехода между жилым и коммунальным корпусами. Мы оставим фрагменты-зондажи с показом этого материала, чтобы его было видно. В остальных местах заменим камышит минераловатым утеплителем в той же геометрии, как это было в изначальном проекте.

— Камышит — единственный нестандартный материал в этом доме, все остальное — монолитные конструкции. В каком состоянии они находятся?

— Как ни странно, в очень хорошем. Есть места, которые требуют ремонта, но все равно это качественный железобетон, который простоит еще не один десяток лет. Самые большие вопросы вызывают не несущие конструкции, а навесные стены с ленточными окнами, которые внешне выглядят ужасно. Это проблема восточного фасада, выходящего во двор: там были установлены бетонные цветочницы и в стене сделаны дренажные отверстия для выхода лишней воды. Кашпо тогда не использовались. После войны, когда в доме достраивали первый этаж, делали коммунальные квартиры и застраивали вторые этажи в ячейках типа К, эти отверстия для дренажа в

цветочницах заделали. Вода в них начала застаиваться и попадать в трещины между штукатуркой и блоками. Это и привело к частичному разрушению стены. Мы будем восстанавливать цветочницы (поместим их в кашпо) вместе с отверстиями для дренажа и вентиляции.

— Коммунальный корпус сохранит общественную функцию?

— Конечно. Мы сейчас ищем формат, что именно там разместится — кафе, выставочное пространство или зал для мероприятий, но в любом случае коммунальный корпус станет центральной общественной зоной в этом доме.

— В коммунальном корпусе частично сохранился большой витраж. Он будет восстановлен?

— Тот витраж, который сохранился, мы отреставрируем, как был отреставрирован исторический витраж на здании «Известий». Нижняя половина витража в 1950–1960-е годы была заменена на окна, так что придется делать копию. Вообще, мы разделили коммунальный корпус на зону консервации и зону воссоздания. В зоне консервации будут работать реставраторы, которые расчистят и восстановят подлинные поверхности. В зоне воссоздания, где оригинальные элементы не сохранились, стены будут укреплять современными материалами. Например, несколько компаний сделали для нас образцы сдвижных окон по проекту Гинзбурга, и мы выбираем, на каком варианте остановиться.

— Что будет с пентхаусом Николая Милютин?

— Пентхаус Милютин — идея самого Милютин. Гинзбургу она категорически не нравилась, но он вынужден был смириться с волей заказчика. В доме планировалось механическая приточная вентиляция, но из-за нехватки денег ее не реализовали. Были сделаны две венткамеры: одна — маленькая, на северной эвакуационной лестницы, другая — большая, около южной лестницы, из которой Милютин решил сделать себе квартиру. Он взял за аналог ячейку типа К — с поправкой, что она выходит не на две, а на три стороны. Кроме этого пентхауса, на крыше были четыре ячейки, в которых располагалось общежитие.

— Что там будет после реставрации?

— Во всех помещениях после реставрации будут жилые квартиры. Я был бы рад, если бы их сдавали в аренду — такой режим их использования не позволит переделывать планировки и интерьеры.

— Проект реставрации дома подразумевает восстановление оригинальных интерьеров. Как они будут выглядеть?

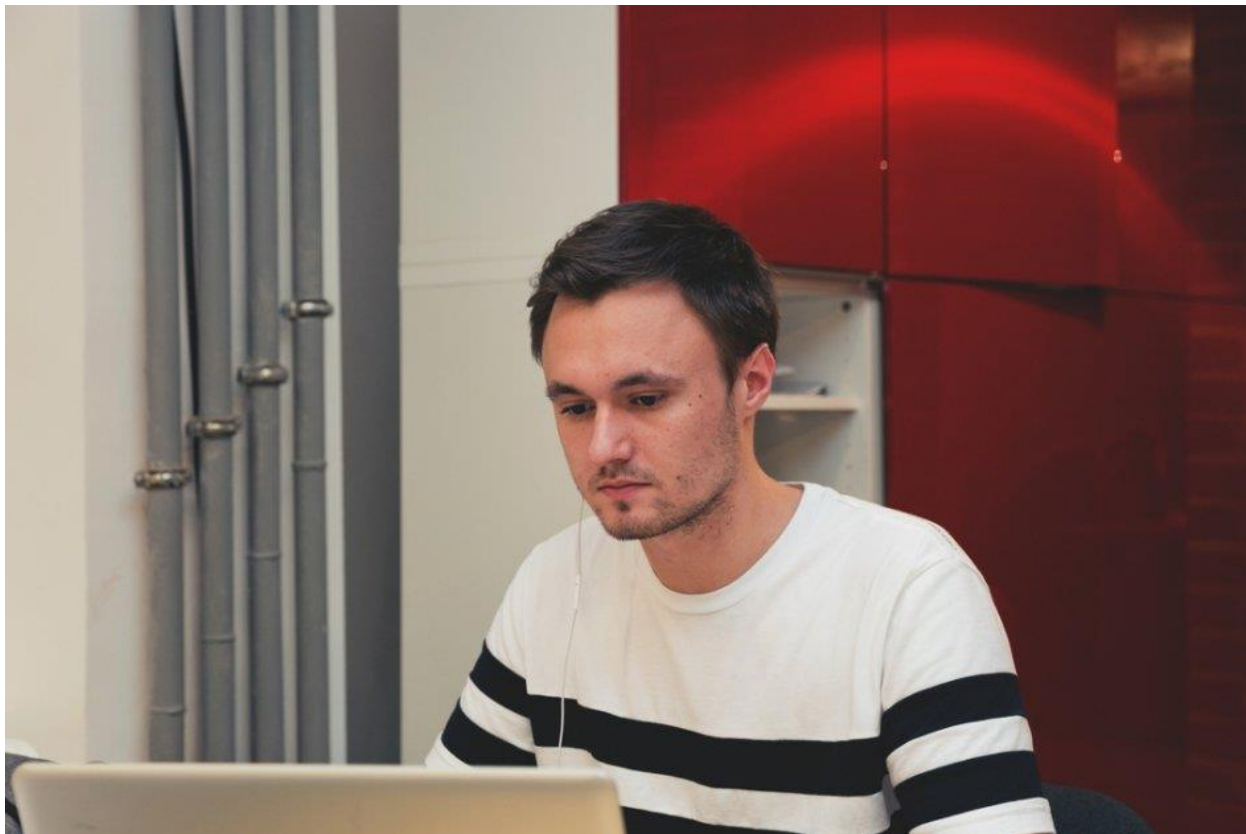
— Сейчас восстанавливаем схему покраски этих квартир по колористическим таблицам Хиннерка Шепера, художника из Баухауса, который занимался оформлением интерьеров в Доме Наркомфина. Мы провели эксперимент в одной из квартир: сделали порядка 50 зондажей под всеми сохранившимися слоями краски и прочих материалов и расчистили оригинальные цвета. Затем взяли похожую по оттенку и текстуре краску и покрасили ею стены. Эффект был потрясающий — я впервые увидел интерьер в цвете. Все же считают, что конструктивизм — это когда все белое, но на самом деле нет. Эта цветовая гамма была специально подобрана таким образом, чтобы визуально увеличить пространство квартир.

— Какие ограничения восстановление оригинальных интерьеров наложит на будущих жителей дома?

— Я рассчитываю, что квартиры будут сдаваться с отделкой, чтобы избежать ремонта. Сантехника, кухонное оборудование должны быть уже встроенными. Максимум, что смогут привезти новые владельцы, — мебель и светильники. По закону, сегодня те, кто покупает квартиры в доме, должен подписать охранное обязательство, которое запрещает менять то, что является предметом охраны.

— Сами не планируете туда перебраться?

— Хотел бы, но вряд ли. Я много лет живу в старом московском доме и привык к нему. В конце концов, я занимаюсь Домом Наркомфина не для себя, а для того, чтобы отдать долги своему отцу и деду.

— В екатеринбургском доме Уралоблсовета (архитектор — Моисей Гинзбург) создан музей ячейки F. Планируется ли музеефикация отдельных ячеек в Доме Наркомфина?

— Одна из ячеек точно должна быть музеефицирована. С моей точки зрения, для этого подходит так называемая квартира привратника на первом и втором этажах. Поскольку у нее два входа (наверху и внизу), ее разделили, и долгое время считалось, что это два отдельных помещения. Она удобно расположена и идеально подошла бы для музея. Мы обсуждаем такую возможность, но готового решения пока нет.

— В прошлом году по вашему проекту отреставрировали еще один знаковый памятник конструктивизма — здание «Известий» (его архитектор Григорий Бархин — прадед Алексея Гинзбурга. — Прим. ред.) на Пушкинской площади. Что самое сложное в работе с такими объектами? Есть расхожее мнение, что их трудно восстанавливать, потому что эти дома строили из

плохих, недолговечных материалов, например шлакоблоков и строительного мусора, как в случае с домом Мельникова. Это миф или действительно так?

— В случае с Домом Наркомфина точно миф. Его строители использовали все самые передовые технологии того времени. Сохранение оригинальных материалов дает возможность показать эти дома такими, какими они были задуманы. Когда мы пытаемся заменить какие-то детали, исчезает дух этой архитектуры. Консервация подлинных элементов должна быть главной реставрационной методикой таких зданий. Мы, например, долго объясняли, что здание «Известий» не должно краситься, как это происходило в советское время. Мы открыли старую штукатурку, защитили ее специальными средствами, которые не меняют цвет, точно так же поступили с витражами и кирпичной кладкой.

— Но это справедливо и для зданий более ранних эпох. Я имела в виду технологические сложности работы именно с конструктивистским наследием.

— В случае с конструктивистскими зданиями все инженерное оборудование является частью материальной культуры, которая требует сохранения и восстановления. Именно поэтому установить трубчатые стальные батареи Arbonia в Доме Наркомфина невозможно — мы должны отреставрировать оригинальные чугунные батареи или сделать их точные копии. Это и есть самое сложное. В домах XVIII—XIX веков использовавшиеся тогда инженерные системы сегодня, понятно, неприменимы, поэтому там просто устанавливаются современные элементы.

— Когда смотришь ваше портфолио, поражает его охват: от реставрации сложнейших памятников авангарда до частных интерьеров. Такая диверсификация бизнеса — это вынужденный ход, чтобы держаться на плаву и быть коммерчески успешным, или вам просто интересно заниматься столь разными проектами?

— Я в первую очередь архитектор, и мне, конечно, интересно заниматься проектированием больших городских объектов. У нас в портфеле есть и жилые дома, и офисы, и коммерческие здания. Например, сейчас рядом с Театром на Таганке по нашему проекту строится многофункциональный центр. Он стоит в очень сложном месте: мы фактически сшиваем квартал, который был разрезан, когда в 1970-е годы под Таганской площадью строился тоннель. Мы восстанавливаем разрушенный фронт вдоль Садового кольца и создаем диалог со зданием театра, которое я считаю прекрасным образцом советского модернизма. У нас есть несколько проектов в регионах и да, мы занимаемся интерьерами. Но реставрация, которая стала для нас с отцом семейным делом, постепенно захватывает все больше и больше: интерес к ней после восстановления Дома Наркомфина у меня точно не пропадет. Работа в историческом городе соединяет во многих проектах новое строительство, реконструкцию и реставрацию и в этом смысле дает бесконечный простор для экспериментов.

— В начале интервью вы сказали, что отношение прежних московских властей к конструктивистскому наследию было негативным и отсюда все проблемы. Сейчас, думаете, что-то поменялось?

— Отношение властей к конструктивизму постепенно меняется, так же как меняется отношение к нему общества.

— Разве? Только за последний год было два крупных скандала, связанных со сносом конструктивистских зданий — Таганской АТС и ДК им. Серафимовича, и защищать их вышли те же 200 человек, что и всегда. Среднестатистический горожанин, скорее всего, поддержит снос этих сооружений, потому что не понимает, в чем их ценность.

— С одной стороны, вы правы, с другой — нет. В 1980-е Дом Наркомфина посещали только международные исследователи конструктивизма, в 1990-е — все приезжавшие в Москву иностранные архитекторы. В нулевые стали приходить студенты архитектурных вузов, но все экскурсии все равно велись на английском языке. И только в последние несколько лет я слышу экскурсии на русском — для обычных посетителей, не специалистов. Люди постепенно начинают понимать, что конструктивизм — это наше достояние, которым можно и нужно гордиться.

Архитектурная мастерская «Гинзбург Архитектс»

Архитектурная мастерская «Гинзбург Архитектс» была основана в 1995 году Владимиром и Алексеем Гинзбургами. Компания специализируется на проектировании жилья, коммерческой недвижимости, объектов промышленного строительства, а также реконструкции, реставрации и приспособления исторических зданий, дизайне интерьеров. Среди крупнейших реализованных проектов — жилой дом на Трехгорном Валу, 14, реставрация дома книгоиздателя Сытина, реставрация здания газеты «Известия» в Москве, гостиница и апартаменты «Камелия», жилой комплекс «Идеал Хаус», жилой квартал «Малый Ахун» в Сочи.